

Постучись в мою дверь на Пречистенке

Надежда Чародейская

Наследники Арбата

Надежда Чародейская

**Постучись в мою
дверь на Пречистенке**

«Автор»

2026

Чародейская Н.

Постучись в мою дверь на Пречистенке / Н. Чародейская —
«Автор», 2026 — (Наследники Арбата)

Алиса Светлова — студентка ландшафтного дизайна — не планировала становиться лотом на благотворительном аукционе. Но её лучшая подруга устроила «небольшой сюрприз», и теперь Алиса продана. Покупатель — Глеб Воронцов, холодный и безупречный глава архитектурного бюро «Наследие». Сто тысяч рублей за одно кофе. Так она думала. Но у Глеба другие планы: по условию завещания деда он должен жениться за год, иначе компания уйдёт конкурентам. Алиса, не связанная с их миром, — идеальный вариант. Фиктивный брак, особняк на Пречистенке, контракт с чёткими правилами. Но старый дом хранит тайны: разорванный чертёж, исчезнувшая мать, предательство двадцатилетней давности. И пока Алиса восстанавливает заброшенную оранжерею, она невольно начинает расследование, которое перевернёт всё. Включая сердце человека, поклявшегося никогда не любить.

© Чародейская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Лот №7	7
Глава 2. Предложение	11
Глава 3. Три дня	17
Глава 4. Завтра	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Надежда Чародейская

Постучись в мою дверь на Пречистенке

Пролог

Москва, октябрь 1998 года
Особняк Воронцовых, Пречистенка

Дождь барабанил по витражному куполу над парадной лестницей — звук, который десятилетний Глеб навсегда запомнит как голос этого дома.

Он сидел на верхней ступеньке, обхватив колени руками, и смотрел вниз, в холл. Там, под огромной люстрой, которая сейчас не горела, стояли трое: дед, отец и мать. Взрослые думали, что он спит. Они ошибались.

— Ты разрушишь всё, что я строил сорок лет, — голос деда, Виктора Андреевича Воронцова, звучал глухо, но Глеб слышал каждое слово. — Ты понимаешь это, Сергей?

Отец молчал. Мать стояла, отвернувшись к окну, и её плечи вздрагивали. Глеб хотел побежать вниз, обнять её, сказать, что он здесь. Но что-то удержало. Возможно, взгляд деда — тяжёлый, не терпящий возражений. Так смотрели на архитектурных советах, когда решалась судьба проекта.

— Я не прошу, — сказал отец наконец. — Я ставлю вас перед фактом. Мы уезжаем.

— С ней? — дед кивнул на мать. — Ты бросаешь семью, компанию, будущее сына — ради неё?

— Ради себя, — отец впервые повысил голос. — Я не хочу такой жизни. Я не хочу превратиться в тебя.

Наступила тишина, и в ней отчётливо прозвучал звук разрываемой бумаги. Глеб вытянул шею и увидел: дед держал в руках сложенный вдвое чертёж. Тот самый, который они с отцом чертили вместе всё лето на даче в Переделкино. Дом на набережной. Их совместный проект. Отец называл его «наш ковчег». Глебу разрешалось затачивать карандаши.

— Тогда и это тебе не нужно, — Виктор Андреевич разорвал лист пополам. Потом ещё раз. И ещё.

Мать ахнула. Отец побледнел. А Глеб вдруг понял, что больше никогда не увидит этот чертёж целым. И почему-то именно эта мысль оказалась невыносимой.

Он не заплакал. Он просто отполз назад, в тень коридора, и дал себе слово: когда-нибудь он восстановит этот дом. На бумаге или в камне — неважно. Но никто и никогда не разорвёт его труд пополам.

Через неделю родители уехали. Мать — в Лондон. Отец — сначала с ней, а потом... кто-то говорил «трасса», кто-то «авария», кто-то просто качал головой.

Дед вырастил Глеба и Веру сам. Он учил их архитектуре так, как других учат ходить и дышать: «Дом — это не стены, Глеб. Это обещание. Если ты его дал — держи. Если не можешь — не берись».

Прошло двадцать шесть лет. Глеб Воронцов держал обещания. Всегда. Без исключений.

И именно поэтому сейчас, в октябре 2024 года, стоя перед нотариусом и читая завещание деда, он понял: покойный Виктор Андреевич приготовил ему ловушку. Пункт, который нельзя выполнить, не нарушив главного правила жизни.

«В течение года с момента оглашения вступить в брак. В противном случае контрольный пакет акций переходит к...»

Фамилия человека, которому переходили акции, была ему незнакома.

Но хуже всего — имя нотариуса.

Глеб знал его. И знал, что спорить с ним бесполезно.

Глава 1. Лот №7

Москва, октябрь 2024 года

Благотворительный аукцион «Вечер на Патриарших»

Алиса Светлова никогда не хотела становиться лотом.

Особенно лотом №7. Особенно на глазах у двухсот московских снобов, которые пришли сюда не столько помогать детским фондам, сколько смотреть друг на друга и пить шампанское за чужой счёт.

— Ты сияешь, — прошептала Яна, поправляя ей выбившуюся прядь. — Просто стой и улыбайся.

— Я тебя убью, — так же шёпотом ответила Алиса, не разжимая губ. Улыбка приклеилась к лицу намертво. — Ты сказала: «поможешь с благотворительным вечером». Ты не сказала: «тебя продадут как антикварную вазу».

— Это не продажа, это аукцион свиданий! — возмутилась Яна. — Одно кофе. Всего одно. Ты пьёшь кофе с каким-нибудь скучающим банкиром, он переводит деньги в фонд, все счастливы. Между прочим, я сама участвую.

— Ты — хозяйка вечера. Тебе положено. А я здесь...

— А ты здесь — красивая молодая женщина с загадочным взглядом, — отрезала Яна тоном, не терпящим возражений. — Всё, поздно спорить. Каталоги уже отпечатали.

Алиса открыла рот, чтобы сказать, что каталоги можно перепечатать, засунуть их в шредер и вообще вызвать полицию, но в этот момент к микрофону вышел ведущий — известный тележурналист с прилизанными волосами и улыбкой человека, который знает цену всему, включая себя.

— Дамы и господа, мы переходим к самой интригующей части нашего вечера! Аукцион свиданий «Кофе с прекрасным незнакомцем»! Напомню правила: каждый лот — это одно кофе, один час и одна очень достойная цель. Все вырученные средства пойдут в фонд поддержки детских хосписов. Итак, лот номер один...

Алиса перестала слушать. Она обвела взглядом зал — Мраморный зал особняка на Патриарших, бывшая купеческая гостиная, теперь модная площадка для мероприятий. Хрусталь, лепнина, приглушённый свет. В первых рядах — люди, чьи фамилии она знала из журналов. Дальше — те, кто хотел бы, чтобы их фамилии знали. У бара — кучка молодых наследников, для которых благотворительность была поводом выгулять новые часы.

Она вздохнула. Её позвали сюда не как гостя. Яна — её единственная состоятельная подруга, наследница фармацевтической империи и по совместительству организатор этого вечера — позвонила вчера в панике: «Алиска, у меня выбывает участница! Срочно нужна замена! Ты красивая, умная, незамужняя — идеально!» Алиса не считала себя особенно красивой. Скорее — «интересной». Рыжие волосы, которые вечно вились не туда, куда надо, серые

глаза, которые в пасмурную погоду казались зеленоватыми, и привычка думать быстрее, чем говорить. Последнее часто подводило.

— Лот номер шесть — Яна Берестова, хозяйка вечера! Стартовая цена...

Яна, сияя, выплыла в центр зала под аплодисменты. Высокая брюнетка в алом платье, она выглядела так, будто родилась на сцене. Торги пошли бойко. Алиса проводила подругу взглядом, полным обречённости. Бежать было поздно: Яна, уходя со сцены под руку с каким-то лысеющим бизнесменом, успела показать ей два больших пальца.

— Лот номер семь, — объявил ведущий, и Алиса почувствовала, как желудок подпрыгнул к горлу. — Алиса Светлова. Студентка факультета ландшафтного дизайна, финалистка конкурса «Зелёная Москва», любит джаз и старые усадьбы. Стартовая цена — десять тысяч рублей.

Она вышла в центр зала. Шаг, ещё шаг. Улыбаться. Не споткнуться о ковёр.

— Пятнадцать тысяч!

Кто-то в задних рядах поднял табличку. Алиса прищурилась: молодой человек в очках, явно дизайнер или архитектор, судя по растрёпанному виду. Ну, хоть не банкир.

— Двадцать!

Другой голос, женский. Дама в жемчугах, сидевшая слева, смотрела на Алису с любопытством, но без тепла. Так смотрят на породистого щенка.

— Пятьдесят тысяч.

Зал притих. Алиса моргнула.

Голос прозвучал справа, оттуда, где сидели не гости, а... она не сразу поняла. Балкон? Нет, отдельная ложа под лестницей, которую она даже не заметила, когда вошла.

Ведущий оживился:

— Пятьдесят тысяч! Дамы и господа, у нас серьёзная заявка! Кто даст больше?

Алиса попыталась разглядеть говорившего, но ложа тонула в тени. Она видела только силуэт: высокий, широкие плечи, рука, небрежно лежащая на перилах. Больше ничего.

— Пятьдесят пять, — неуверенно подала голос дама в жемчугах.

— Сто тысяч, — произнёс тот же голос из ложи.

Теперь зал уже откровенно зашептался. Сто тысяч за кофе со студенткой? Это был либо жест безумной щедрости, либо... что-то другое. Алиса почувствовала, как горят щёки. Она не понимала, что происходит, но ей это не нравилось.

— Сто тысяч — раз, сто тысяч — два...

Тишина. Никто не перебивал.

— Продано! Лот номер семь продан за сто тысяч рублей!

Раздались аплодисменты — вежливые, с нотками недоумения. Алиса стояла столбом, не зная, кланяться, убегать или провалиться сквозь паркет. Она улыбалась, потому что Яна научила: «Если не знаешь, что делать — улыбайся».

Человек из ложи поднялся.

Он вышел на свет, и Алиса поймала себя на том, что задержала дыхание.

Глеб Воронцов. Она знала его — не лично, конечно. Его фотографии мелькали в деловых изданиях, которые она пролистывала в очереди за кофе. Глава архитектурного бюро «Наследие». Человек-легенда, восстанавливающий старую Москву. Красивый той холодной, скульптурной красотой, которая больше подходит музейным экспонатам, чем живым людям. Тёмные волосы, резкие черты, глаза — она потом узнала, что они серые, но сейчас они казались чёрными.

Он спустился по ступенькам, и толпа расступилась перед ним, как вода перед носом ледокола. Подошёл к Алисе. Остановился в двух шагах. Посмотрел — не как на породистого щенка, а как на деталь интерьера.

— Кофе, — произнёс он. Не спросил. Констатировал.

— Что? — Алиса забыла все правила хорошего тона.

— Вы проданы мне за кофе, — уголок его рта едва заметно дрогнул. — Завтра. Полдень. Мой офис на Пречистенке. Не опаздывайте.

И ушёл.

Просто развернулся и пошёл к выходу, оставив её стоять посреди Мраморного зала с открытым ртом и ста тысячами рублей над головой, будто это ценник.

— Боже мой, — выдохнула подлетевшая Яна. — Ты знаешь, кто это?!

— Теперь — да.

— Это же Глеб Воронцов! Он никогда не ходит на такие мероприятия! Никогда! И уж тем более не покупает кофе со студентками!

— Яна, — Алиса медленно повернулась к подруге, — если ты сейчас скажешь «это судьба», я тебя ударю.

— Это судьба, — прошептала Яна благоговейно.

Алиса закрыла глаза. Где-то под рёбрами поселилось неприятное, холодное предчувствие. Она не верила в судьбу. Зато верила в то, что такие мужчины, как Глеб Воронцов, не платят сто тысяч за кофе без причины.

А причины, о которых она не знает, редко бывают хорошими.

Тем же вечером, офис «Наследия», Пречистенка

Глеб стоял у окна и смотрел на огни Москвы-реки. На столе перед ним лежала копия завещания деда — та самая, которую утром вручил нотариус.

«...в течение года с момента оглашения вступить в брак...»

Он знал, что дед был хитёр. Но даже Виктор Андреевич Воронцов не стал бы требовать от внука жениться по любви. Любовь — понятие растяжимое, в юридическом смысле ничтожное. Брак же — договор, контракт, союз, скреплённый подписью.

Студентка подходила идеально. Не из их круга. Не журналистка. Не охотница за состоянием. Ничего не понимает в архитектурном бизнесе. Симпатичная, но явно не избалованная мужским вниманием — значит, не захочет лезть в его жизнь. Будет благодарна за предложение, которое он ей завтра сделает.

За кофе.

Он усмехнулся. Кофе.

Интересно, согласится ли она, когда узнает, что кофе — это только начало. И что на самом деле лот №7 продаётся не за сто тысяч рублей.

А за весь контрольный пакет акций «Наследия».

Глава 2. Предложение

Следующий день, полдень

Архитектурное бюро «Наследие», Пречистенка, 19

Алиса стояла перед дверью и думала о том, что некоторые здания умеют смотреть на человека сверху вниз.

Особняк Воронцовых — именно такое здание. Три этажа нежно-голубого с белым ампира, лепнина, полуколонны, чугунное кружево балконной решётки. На фронтоне — герб, которого Алиса не знала. Наверное, родовой. У неё самой никакого герба не было, если не считать выцветшей наклейки с Чебурашкой на ноутбуке.

Она одёрнула пиджак — единственный приличный, купленный три года назад для защиты диплома бакалавра. Пиджак был василькового цвета и, кажется, не слишком сочетался с рыжими волосами, но выбора не было. На свидания она не ходила уже полгода. На свидания, устроенные через аукцион, — никогда.

— Вы опоздали на две минуты.

Она вздрогнула. Дверь открылась бесшумно, и на пороге стоял Глеб Воронцов собственной персоной. Сегодня он был без пиджака — только белая рубашка с закатанными до локтей рукавами и тёмные брюки. Почему-то это делало его ещё более пугающим. Наверное, потому что без пиджака он выглядел не «бизнесменом на переговорах», а «хозяином дома, которому ты мешаешь».

— Я... э-э... тут пробки. Патриаршие перекрыли.

— На Патриарших всегда пробки, — он отступил в сторону, пропуская её внутрь. — В следующий раз выходите на пятнадцать минут раньше.

В следующий раз?

Алиса хотела уточнить, что она вообще-то не планирует «следующих разов», но её накрыло интерьером. Она вошла и забыла, что хотела сказать.

Холл особняка был... невозможным. Огромный витражный купол над парадной лестницей заливал пространство мягким октябрьским светом. Стены — благородный серый с белыми филёнками. Лестница расходилась двумя крыльями на второй этаж, и на площадке между ними стоял старинный глобус размером с небольшую планету. Пахло деревом, книгами и едва уловимо — кофе.

— Здесь у вас офис? — выдохнула она.

— Здесь у меня дом, — поправил Глеб. — Офис наверху. Кофе будем пить в библиотеке. Идите за мной.

Она пошла, стараясь не крутить головой, как деревенская девочка на ярмарке. Но это было выше её сил. Картины на стенах — не репродукции. Масло, старые рамы, тёмные пейзажи, которые, кажется, помнили ещё крепостных. Книжные шкафы от пола до потолка. Где-то тикали напольные часы. Каблуки Алисы — невысокие, устойчивые — цокали по паркету, и этот звук казался ей преступно громким.

Библиотека оказалась круглой комнатой в правом крыле. Окна выходили в сад — точнее, в то, что когда-то было садом, а теперь превратилось в заросший, но всё ещё благородный парк с голыми октябрьскими деревьями. Камин не горел, но в комнате было тепло. Посередине стоял низкий столик с двумя чашками, туркой и вазочкой с печеньем.

— Садитесь.

Алиса села в кресло, обитое тёмно-зелёным бархатом. Кресло немедленно поглотило её целиком. Глеб остался стоять у окна, и солнце, пробивавшееся сквозь голые ветви, рисовало на его лице резкие тени.

— Кофе? — спросил он, хотя это не было вопросом.

— Вообще-то я предпочитаю чай.

Пауза. Он посмотрел на неё так, будто она призналась в чём-то неприличном.

— У меня нет чая.

— Тогда кофе, — вздохнула Алиса. — Тем более что вы за него заплатили.

— Да. Заплатил.

Он разлил кофе по чашкам. Движения были точными, выверенными — Алиса заметила, что он всё делал именно так. Ни одного лишнего жеста. Она взяла чашку, сделала глоток и чуть не зажмурилась от удовольствия. Настоящий, сваренный в турке, с кардамоном — не то что растворимая бурда, которой она заливала бессонные ночи перед сдачей проектов.

— Вкусно, — признала она.

— Я знаю.

Ну конечно.

— Итак, Алиса Светлова, — он наконец сел в кресло напротив. Без кофе. Просто смотрел на неё, и ей казалось, что её сканируют, как чертёж на предмет ошибок. — Двадцать три года. Студентка магистратуры МАрхИ, кафедра ландшафтной архитектуры. Живёте в общежитии на Водном стадионе. Стипендия повышенная, но её не хватает, поэтому подрабатываете в цветочном магазине на Чистых прудах. Родители в Твери, отец — инженер-строитель на пенсии, мать — библиотекарь. Братьев и сестёр нет. Долгов нет. Приводов в полицию нет.

Алиса поставила чашку. Руки чуть дрогнули, но она надеялась, что он не заметил.

— Вы навели обо мне справки.

— Разумеется.

— Зачем?

— Потому что у меня к вам предложение, Алиса, — он чуть наклонил голову, и в серых глазах мелькнуло что-то похожее на интерес. — Деловое предложение, которое требует взаимного доверия. А доверие начинается с информации.

— Вы меня вчера купили за сто тысяч рублей, — медленно произнесла она. — Сегодня собрали на меня досье. И теперь говорите о доверии. Знаете, обычно люди начинают с «здоровствуйте, как дела».

— Я не «обычно люди».

Она чуть не рассмеялась.

— Это заметно.

Глеб поднялся и подошёл к каминной полке. Взял оттуда папку — тонкую, кожаную, с гербом, такой же, как на фронтоне особняка. Положил на столик перед Алисой.

— У меня есть год, чтобы вступить в брак. Если я этого не сделаю, компания моего деда — архитектурное бюро «Наследие» — перейдёт к человеку, которого Виктор Андреевич Воронцов счёл более достойным. К тому, кто, по его мнению, не бросит дело всей его жизни.

Алиса моргнула.

— Подождите. Брак? Вы хотите... жениться? На ком?

— На вас.

Тишина в библиотеке стала абсолютной. Даже часы, кажется, перестали тикать.

— На мне? — переспросила она, и голос прозвучал выше, чем ей хотелось бы.

— Условия таковы, — Глеб говорил ровно, будто зачитывал техническое задание. — Вы переезжаете в этот особняк. Мы регистрируем брак. Вы живёте здесь ровно один год в статусе моей жены. За это время вы играете роль счастливой супруги на публичных мероприятиях. В приватной обстановке вы можете делать всё, что угодно, если это не мешает моей работе и не компрометирует бюро. Через год брак расторгается. Вы получаете компенсацию, достаточную для открытия собственной студии ландшафтного дизайна, и полную свободу.

— Вы это серьёзно? — она почти прошептала.

— Я никогда не шучу.

Алиса смотрела на него и пыталась понять, что чувствует. Страх? Злость? Любопытство? Пожалуй, всё сразу, и ещё что-то, чему она не могла подобрать названия.

— Почему я? Вы могли найти кого угодно. Модель, актрису, светскую львицу. Человека, который умеет носить бриллианты и не вздрагивать при слове «брак».

— Именно поэтому вы, — Глеб чуть подался вперёд, и его тень упала на столик. — Вы — не из нашего круга. Вы не знаете правил игры. Вы не связаны обязательствами перед другими игроками. Вы никому ничего не должны. И, — он сделал паузу, — вы умеете проектировать сады. В «Наследии» как раз не хватает ландшафтного архитектора.

— То есть я вам нужна как... сотрудник? Который по совместительству жена?

— Именно.

Алиса взяла папку. Раскрыла. Там лежали два листа: текст завещания и проект брачного договора. Буквы плыли перед глазами, но она всё равно вчитывалась, потому что это было проще, чем смотреть на него.

— Тут написано «неразглашение», — пробормотала она. — И «отсутствие личных отношений за пределами контракта».

— Совершенно верно.

— А если я влюблюсь? — она подняла голову и встретила с ним взглядом. — В кого-нибудь. Не в вас. Просто в другого человека. За этот год. Мне что, в монастырь?

Глеб чуть нахмурился — первая тень эмоции, которую она заметила.

— Ваши личные отношения не должны становиться достоянием прессы и вредить репутации бюро. В остальном — поступайте как знаете.

— А вы? — спросила она и сама удивилась своей смелости. — Вы тоже будете поступать как знаете?

— Моя репутация безупречна.

— Это не ответ.

Он помолчал.

— Вы правы. Не ответ. Но вам придётся с этим смириться.

Алиса захлопнула папку и встала. Кресло неохотно выпустило её из бархатных объятий.

— Мне нужно подумать, — сказала она твёрдо.

— Разумно.

— Я не говорю «да».

— Пока не говорите.

— И я не продаюсь за сто тысяч.

Вот теперь он улыбнулся. По-настоящему — уголком рта, едва заметно, но всё же. И от этой улыбки сердце Алисы почему-то пропустило удар.

— Я знаю, — сказал Глеб Воронцов. — Поэтому позвонил именно вам. Думайте. У вас есть три дня.

Алиса вышла из особняка на Пречистенке и остановилась на крыльце, жадно вдыхая холодный октябрьский воздух. В голове гудело, будто она только что сдала экзамен, к которому не готовилась.

Брак. Фиктивный брак. С Глебом Воронцовым. На год.

Абсурд.

Она достала телефон и набрала Яну.

— Ты не представляешь, что сейчас было.

— Ты в него влюбилась? — выпалила Яна. — Я знала! Это судьба!

— Нет. Хуже. Он предложил мне стать его женой.

Трубка замолчала. Потом:

— Алиса, с этого места подробнее.

Алиса начала рассказывать, но на полуслове заметила краем глаза какое-то движение. В арке напротив, ведущей во двор соседней усадьбы, стоял человек. Показалось? Она вгляделась. Арка была пуста.

Наверное, просто тень.

Но холодок между лопаток остался.

В это же время, в том же особняке

Глеб поднялся в кабинет. Сел за стол и посмотрел на монитор, где застыло изображение с камеры наружного наблюдения.

Человек в арке. Один и тот же. Третье утро подряд.

Он не знал, кто это. Пока не знал. Но он знал другое: завещание деда — не единственная проблема, свалившаяся на «Наследие» в этом октябре. Кто-то следил за домом.

И кто-то, вероятно, знал о пункте завещания ещё до оглашения.

Глеб откинулся в кресле и закрыл глаза.

Ему нужна была жена. И плевать, что Алиса Светлова сочла его безумцем. Она согласится — он видел это по её глазам, когда она читала пункт про «собственную студию». Она умная. Она умеет думать. Она согласится.

А он пока выяснит, кто стоит в арке напротив и чего он ждёт.

Глава 3. Три дня

Москва, общежитие МАрХИ, Водный стадион
Вечер того же дня

В комнате пахло хвоей, землёй и отчаянием.

Алиса сидела на подоконнике, поджав ноги, и смотрела на разложенные по полу листы ватмана. Её дипломный проект — «Зимний сад в городской среде: концепция озеленения крыш исторического центра Москвы» — занимал всё свободное пространство. Эскизы, чертежи, таблицы с видами морозостойких растений. На самом большом листе — разрез оранже-реи, которую она придумала для крыши бывшей фабрики «Красный Октябрь». Стекло, металл, зелень, пронизывающая индустриальный каркас, как жизнь пронизывает руины.

Проект был хороший. Его хвалили на кафедре. Но защита в июне, а до июня нужно на что-то жить. Стипендии хватало на проезд и макароны, цветочный магазин добавлял к макаронам сыр. О собственной студии она даже не мечтала — это было где-то за горизонтом, лет через десять, после кабальной ипотеки и сотни чужих проектов.

Через год брак расторгается. Вы получаете компенсацию, достаточную для открытия собственной студии.

Алиса тряхнула головой.

— Ты не продаёшься, Светлова, — сказала она вслух.

Ватман не ответил. Зато телефон пикинул сообщением от Яны:

«Ты уже сказала „да“ или пока выбираешь кольцо?»

Алиса фыркнула и набрала в ответ:

«Я думаю. Очень серьёзно думаю».

«О чём тут думать??? Красивый, богатый, особняк в центре. Да я бы на твоём месте...»

«В том-то и дело, Ян. Ты — на моём месте. А я — на своём. И мне страшно».

Она отложила телефон и снова уставилась в окно. За мутным стеклом проплывали огни Ленинградского шоссе. Где-то там, в центре, стоял особняк на Пречистенке с витражным куполом и круглой библиотекой. И человек, который смотрел на неё так, будто она — очередной пункт в техническом задании.

Страшно ли ей? Да. Но не из-за него.

Ей было страшно, что она скажет «нет» и будет жалеть об этом всю жизнь. Что через десять лет, стоя над чужим проектом в чужом бюро, она вспомнит этот вечер и подумает: «А что, если бы я тогда согласилась?»

Она слезла с подоконника, подошла к столу и вытащила из вороха бумаг чистый лист. Разделила пополам. Слева написала «ЗА», справа — «ПРОТИВ».

В колонке «ПРОТИВ» первым пунктом пошло: «Ты его не знаешь».

Вторым: «Это ложь. Ты будешь врать всем целый год».

Третьим: «Он пугает тебя до чёртиков».

В колонке «ЗА» она написала только одно слово: «Студия».

Потом подумала и добавила: «Особняк».

Потом зачеркнула «Особняк» и написала: «Доступ к архивам Воронцова». Она вспомнила глобус на лестничной площадке, старинные чертежи в рамах, библиотеку. Сколько там материалов по историческому озеленению? Сколько усадебных планов, которые никто не оцифровывал? Для её специализации это была золотая жила.

Потом зачеркнула и это. И написала внизу, поперёк обеих колонок, большими буквами:

«ОН ПРЕДЛОЖИЛ ТЕБЕ ЭТО ЗА КОФЕ».

Это была шутка, но, перечитав, Алиса поняла: да. Именно так. Он купил её на аукционе за сто тысяч. Он мог бы купить кого угодно — актрису, модель, профессионалку. Но выбрал её. Не самую красивую, не самую богатую, не самую влиятельную. Просто ту, которая не умеет носить бриллианты и вздрагивает при слове «брак».

Почему?

Она не знала. Но именно это «почему» засело в голове и не давало порвать листок с «ПРОТИВ».

Два дня спустя

Чистопрудный бульвар, цветочный магазин «Ботаника»

В пятницу у Алисы была смена. Она стояла за прилавком, подрезала стебли у белых роз и думала, что цветы — самые честные существа на свете. Они не врут, не притворяются, не заключают фиктивных браков. Они просто растут, цветут и увядают, когда приходит время.

— Девушка, мне нужен букет для свидания.

Алиса подняла голову. Перед ней стоял молодой мужчина — лет тридцати, приятное лицо, светлые волосы, чуть растрёпанные на ветру, лёгкая небритость. Одет неброско, но дорого: серое пальто, тёмный шарф, замшевые перчатки. Он улыбался открытой, почти мальчишеской улыбкой, и на щеках появлялись ямочки.

— Какое свидание? — деловито спросила она. — Первое или...

— Первое, — он чуть смутился. — И очень важное.

— Тогда никаких роз, — Алиса отложила секатор и вытерла руки о фартук. — Розы на первом свидании — это давление. Как если бы вы сразу заявили: «Я настроен серьёзно, соответствуйте». Девушка испугается.

— Ого. А что же тогда?

Алиса обошла прилавков и направилась к витрине с сезонными цветами.

— Сейчас октябрь, сезон георгинов и астр. Смотрите, вот бордовые георгины с белой каймой. Непривычно, небанально, без претензии. Добавим веточки эвкалипта для зелени и сухоцветы — лагурус, он похож на заячьи хвостики, девушки такое любят. Букет получится воздушный, как будто вы только что собрали его в осеннем саду. Не «я купил тебе цветы», а «я увидел эту красоту и подумал о тебе». Понимаете разницу?

Мужчина слушал очень внимательно. И улыбался — но уже иначе, не открыто, а с каким-то странным интересом.

— Понимаю, — сказал он. — Вы, случайно, не психолог?

— Ландшафтный дизайнер. Это почти то же самое, только с цветами проще, чем с людьми.

Он рассмеялся.

— Сделайте, как считаете нужным. Доверяюсь вашему вкусу.

Алиса кивнула и принялась собирать букет. Руки двигались привычно: подрезать, убрать лишние листья, выстроить композицию, обернуть крафтовой бумагой, перевязать бечёвкой. За работой она всегда успокаивалась.

— Вы здесь часто бываете? — спросила она, чтобы не молчать.

— Вообще впервые. Обычно заказываю доставку, но сегодня решил зайти лично. Хорошее решение, как выяснилось, — он кивнул на готовый букет. — Это произведение искусства.

— Обычная работа, — пожала плечами Алиса, хотя комплимент был приятен. — С вас две тысячи триста.

Он расплатился картой, взял букет и задержался у двери.

— Меня, кстати, Матвей зовут. А вас?

— Алиса.

— Как в Стране чудес?

— Как в «Гостье из будущего», — поправила она. — Родители — советские фантасты. Спасибо, что не Аэлита.

Матвей снова рассмеялся и вышел, звякнув колокольчиком над дверью. Алиса проводила его взглядом. Приятный. Искренний. Не похож на человека, который платит сто тысяч за кофе и требует взамен год жизни.

Она вдруг поняла, что сравнивает его с Глебом. И сравнение — не в пользу последнего.

Телефон пикинул. Сообщение от неизвестного номера. Всего одно слово:

«Завтра. Полдень. Не опаздывайте».

Алиса уставилась на экран. Откуда у него её номер? Впрочем, человек, собравший на неё досье за ночь, мог достать и телефон.

Она набрала ответ:

«Я ещё не согласилась».

Три точки. Печатает. Исчезли. Снова три точки.

«Знаю. Но придёте».

Вот же самоуверенный...

Она не ответила. Убрала телефон в карман фартука и вернулась к розам. Но руки дрожали. Не от страха. От злости. Или от предвкушения. Она сама не понимала.

Тот же вечер

Кафе «Кофемания» на Патриарших

Алиса сидела за угловым столиком и нервно помешивала капучино. Яна, как всегда, опаздывала. Это была их традиция: Яна везде опаздывала, Алиса везде ждала. За пять лет дружбы они к этому привыкли.

— Прости-прости-прости! — Яна влетела в кафе вихрем из рыжих кудрей и дизайнерского плаща. — Пробки. Снова. Ты уже заказала?

— Только кофе.

— Отлично, я возьму такое же и круассан, — Яна плюхнулась на стул напротив. — Ну? Рассказывай. Ты позвонила с таким голосом, будто нашла труп в подсобке.

— Хуже. Я, кажется, соглашусь.

Яна замерла с меню в руках.

— На брак с Воронцовым?

— Да.

— Алиса, — Яна медленно положила меню на стол, — ты же понимаешь, что это безумие?

— Ещё вчера ты говорила, что это судьба.

— Потому что я думала, что ты скажешь «нет»! — Яна всплеснула руками. — Понимаешь? Я была уверена, что ты откажешься, и поэтому подкалывала тебя. Это же... это был такой аттракцион — ну, знаешь, «меня чуть не купил миллиардер, прикинь». Я не думала, что ты всерьёз.

— А если всерьёз?

Яна помолчала, разглядывая подругу.

— Ты ведь из-за студии, да? Не из-за него.

— Из-за студии, — призналась Алиса. — И из-за архивов. И... чёрт, не знаю. Может, из-за того, что мне двадцать три, а я уже устала. Устала считать деньги, устала бояться будущего, устала откладывать мечты на потом. Если есть шанс перепрыгнуть через десять лет — почему нет?

— Потому что ты будешь жить с чужим человеком. Врать. Притворяться. И потом — он же холодный, как... как...

— Как мраморная колонна? — подсказала Алиса.

— Как фасад его собственного особняка! — Яна подалась вперёд и взяла её за руку. — Светик, я просто хочу, чтобы ты была счастлива. А этот Воронцов... от него мурашки. И не в хорошем смысле.

Алиса вздохнула.

— Понимаешь... может, мне и не нужно от него счастья. Мне нужно дело. Своё дело. А он — просто инструмент. Цинично звучит, да?

— Звучит как план, — Яна криво усмехнулась. — Только планы имеют свойство рушиться.

— Тогда придумаем новый.

Подошёл официант, Яна заказала капучино и три круассана — нервное. Алиса смотрела в окно, на огни Патриарших, на прохожих, кутающихся в шарфы, на жёлтые листья, гонимые ветром по брусчатке. Октябрь в Москве — время перемен. Время сбрасывать старую листву.

— Я знаю, как проверить, — вдруг сказала Яна, отрываясь от круассана.

— Что проверить?

— Его. На адекватность. На моральные принципы. На то, как он поведёт себя в нестандартной ситуации.

— И как же?

Яна заговорщицки улыбнулась.

— Ты выставишь свои условия. Не те, что он тебе подсунул в папке. А свои. И посмотришь, как он отреагирует. Если согласится обсуждать — значит, ты ему действительно нужна как партнёр. Если начнёт давить и угрожать — беги.

— Какие условия?

— Ну, во-первых, отдельная спальня. Это обязательно.

— Само собой.

— Во-вторых, ты продолжаешь учёбу. Он не имеет права вмешиваться в твоё расписание.

— Разумно.

— В-третьих, — Яна сделала драматическую паузу, — твоя компенсация прописывается не «после развода», а поэтапно. Часть — сразу после регистрации.

— Это зачем?

— Чтобы он не кинул тебя через год. А то представь: ты живёшь с ним двенадцать месяцев, терпишь его ледяное «я никогда не шучу», а в конце он заявляет: «Брачного договора нет, вы ничего не докажете, всего хорошего». И ты остаёшься на Водном стадионе с макаронами.

— Яна, ты гений.

— Я знаю, — подруга самодовольно улыбнулась и откусила круассан. — А теперь скажи мне вот что. Ты боишься его?

Алиса задумалась. Честно задумалась, прислушиваясь к себе.

— Нет, — сказала она наконец. — Не его. Я боюсь себя. Той себя, которая через год может проснуться и понять, что влюбилась в мраморную колонну.

Яна ничего не ответила. Только сжала её руку чуть крепче.

Следующее утро, 11:45

Особняк Воронцовых, Пречистенка

На этот раз Алиса пришла за пятнадцать минут до назначенного времени. Она стояла перед знакомой дверью, сжимая в руке папку — не ту, что дал ей Глеб, а свою, с рукописным списком условий. Сердце колотилось где-то в горле.

Дверь открылась прежде, чем она позвонила.

— Вы пришли раньше, — констатировал Глеб.

— Вы же сами сказали: «в следующий раз выходите на пятнадцать минут раньше».

В его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение. Или ей показалось.

— Проходите. Кофе готов.

— Я принесла чай, — она вытащила из сумки пакетик с бергамотом. — Теперь у вас есть чай.

Он посмотрел на пакетик так, будто она протянула ему гранату. Потом чуть заметно хмыкнул — Алиса уже научилась различать его «хмыканья», это было третье за всё знакомство.

— Хорошо. Идёмте.

В библиотеке горел камин. На этот раз на столике стояли две чашки — кофе для него и пустая, с кипятком, для неё. Рядом лежал чайник с заварочным чайником поменьше. Настоящий, фарфоровый. Он подготовился.

— Вы провели исследование, — заметила она, кивая на чайник.

— Я всегда готовлюсь к переговорам.

Алиса села в знакомое зелёное кресло, заварила чай, сделала глоток. Помедлила.

— У меня есть условия.

— Я слушаю.

— Первое: отдельная спальня. Желательно в другом крыле. Я не хочу сталкиваться с вами по утрам в пижаме.

— В этом доме тринадцать спален. Выбирайте любую, — ответил он без паузы.

— Второе: я продолжаю учёбу. Защита диплома в июне. Вы не имеете права вмешиваться в моё расписание, задерживать меня или требовать присутствия на мероприятиях в ущерб занятиям.

— Справедливо. Мы составим календарь обязательных выходов. Всё остальное — ваше время.

— Третье, — Алиса набрала воздуха. — Компенсация. Я хочу получить первую часть сразу после регистрации брака. Не через год. Сейчас.

Вот теперь он замолчал. Это была не та пауза, которой он давил в прошлый раз. Скорее — пауза человека, который пересчитывает в уме цифры.

— Зачем?

— Чтобы быть уверенной, что через год вы не исчезнете, оставив меня с фиктивным штампом в паспорте и без гроша. Это страховка.

— Вы мне не доверяете.

— Я вас не знаю. Это разные вещи.

Глеб откинулся в кресле. Огонь из камина отбрасывал тени на его лицо, делая резкие черты ещё резче. Прошло десять секунд. Двадцать.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Тридцать процентов сразу. Остальное — через год.

Алиса чуть не поперхнулась чаем. Она ждала торга, спора, отказа. Но не этого.

— Вы... согласны?

— Ваши условия разумны. Я бы сам их предложил, если бы вы не опередили, — он чуть наклонил голову. — Значит, вы умеете думать. Это ценно.

Она не нашлась что ответить.

— Есть ещё что-то? — спросил он.

— Да. Скажите, почему я? Только честно.

Он долго смотрел на неё. Очень долго. Алиса уже решила, что он не ответит, когда Глеб вдруг произнёс:

— Потому что вы не похожи на женщину, которая влюбится в меня.

— Простите?

— Вы умны, самостоятельны и, кажется, терпеть меня не можете. Это идеальная комбинация. Я не хочу разбивать чьё-то сердце через год. С вами такого риска нет.

Алиса медленно поставила чашку на столик.

— А если вы ошибаетесь?

— Я никогда не ошибаюсь в людях.

— Все так говорят. До первой ошибки.

Он улыбнулся. Снова — едва заметно, уголком рта.

— Посмотрим.

— Посмотрим, — эхом отозвалась она.

И вдруг поняла, что уже согласилась. Не вслух — внутри. Где-то глубоко, там, где страх встретился с любопытством и проиграл.

— Я согласна, — сказала она. — С поправками.

— Тогда у нас есть работа.

Он поднялся, подошёл к столу у окна и взял оттуда тонкую чёрную папку — уже другую.

— Это ваш проект брачного договора. Переписанный с учётом озвученных условий. Ознакомьтесь.

— Вы подготовили его заранее?! — она уставилась на папку. — Откуда вы знали, что я...

— Я же говорил, — Глеб протянул ей папку. — Я всегда готовлюсь к переговорам.

Алиса взяла документы. Ей казалось, что пол уходит из-под ног.

— И что теперь?

— Теперь, — он взглянул на часы, — вы пьёте чай. А завтра мы едем в ЗАГС.

Глава 4. Завтра

Москва, Пречистенка — Тверской бульвар
Следующее утро, 9:15

Москва в октябре пахнет прелой листвой, бензином и чужими надеждами.

Алиса стояла на крыльце особняка Воронцовых — теперь, *technically*, и её дома — и смотрела, как Глеб открывает перед ней дверцу чёрного «Мерседеса». Никаких «принцесс» и «прошу». Просто жест. Сухой, точный, обречённый.

— Вы не завтракали, — заметил он, когда она села.

— Откуда вы...

— У вас крошка от печенья на подбородке. Единственного печенья, которое вы съели за полчаса, пока делали вид, что читаете договор.

Алиса торопливо провела рукой по лицу и уставилась в окно. Чёртово печенье. Чёртов Воронцов с его наблюдательностью.

Машина тронулась. За окном поплыли Пречистенка, Гоголевский бульвар, облетевшие липы и прохожие в серых пальто — такие же серые, как небо. В салоне пахло кожей и чем-то древесным, дорогим, без названия. Водитель — немолодой мужчина с военной выправкой — молчал и смотрел строго на дорогу.

— ЗАГС на Тверском бульваре, дом двадцать два, — произнёс Глеб водителю. — К десяти.

— К десяти? — Алиса обернулась к нему. — Но приём с десяти тридцати.

— Я договорился. В порядке исключения.

— Конечно, договорились, — пробормотала она. — Вы со всеми договариваетесь в порядке исключения?

Он не ответил. Смотрел в окно, и Алиса впервые заметила, что у него тени под глазами. Совсем лёгкие, почти незаметные — но она училась читать ландшафт, а лицо человека, в конце концов, тот же рельеф.

— Вы спали сегодня?

— Это не имеет отношения к делу.

— Имеет, если вы грохнетесь в обморок прямо в ЗАГСе.

— Я не грохаюсь в обморок.

Разумеется. Мраморные колонны не падают в обморок. Они стоят веками.

Машина свернула на Тверской. Алиса смотрела на город — город, который сегодня станет свидетелем самой странной сделки в её жизни.

ЗАГС оказался уютным особнячком с белыми колоннами. Не дворец бракосочетаний с золотыми стульями и толпой невест в пене кружев, а маленький, камерный, для тех, кто не любит шумихи. Алиса даже не знала, что такие бывают.

Внутри пахло казёнными лилиями и старой бумагой. Администратор — строгая дама в очках — встретила их без улыбки, но и без удивления. Видимо, Воронцов и правда договорился.

— Паспорта, пожалуйста.

Они положили паспорта на стойку. Красный — её, потёртый, с фотографией трёхлетней давности, где она похожа на испуганного лисёнка. И тёмно-синий — его, без единой лишней страницы.

— Свидетели будут? — спросила дама.

— Нет, — ответили они хором.

Дама подняла бровь, но ничего не сказала.

— Проходите в зал. Через пять минут начнём.

Зал был маленький, на десять человек. Светлый, с окнами в сад — вернее, в сквер, где голуби дрались за хлебные крошки. Регистраторша — другая, помоложе, с приятным лицом и усталыми глазами — ждала их у столика с бархатной скатертью.

— Глеб Викторович Воронцов и Алиса Андреевна Светлова, — произнесла она, сверяясь с бумагами. — Вы вступаете в брак добровольно?

— Да, — сказали они снова хором.

Добровольно. Смешное слово. Добровольно-вынужденно. Добровольно-от-безысходности. Добровольно-потому-что-мечта-о-студии-перевесила-страх.

— Прошу вас обменяться кольцами.

Кольца. Алиса о них не подумала. Она вообще не подумала о кольцах — в её фантазиях брак был бумажным, без золота и символов. Но Глеб, разумеется, подготовился. Он достал из кармана пиджака две маленькие коробочки: одну чёрную, одну синюю. Открыл чёрную — там лежало тонкое золотое кольцо, без камней, гладкое, простое. То, что нужно.

Она взяла его. Руки дрогнули.

— Вашу руку, — тихо сказал он.

Она протянула левую. Его пальцы оказались тёплыми — неожиданно тёплыми для мраморной колонны. Он надел кольцо одним точным движением — ни заминки, ни дрожи. Потом протянул ей своё — такое же простое, чуть шире.

Алиса взяла кольцо. Посмотрела на его руку: длинные пальцы, чёткие линии, ни одной лишней детали. Надела. Тоже без заминки. Почти.

— Объявляю вас мужем и женой, — произнесла регистраторша будничным тоном. — Можете поцеловаться.

Пауза. Долгая, неловкая, звонкая.

— Мы воздержимся, — сказал Глеб.

Регистраторша моргнула, но быстро взяла себя в руки.

— Как пожелаете. Поздравляю. Свидетельство получите через десять минут.

На крыльце ЗАГСа они остановились. Ветер трепал рыжие волосы Алисы и бросал под ноги жёлтые листья. Глеб стоял рядом, прямой, как шпиль его собственного особняка.

— Ну вот, — сказала она. — Женаты.

— Да.

— Странно. Я думала, это будет... более драматично.

— Драма не входит в мои планы, — он повернулся к ней. — Теперь формальности. Через час у вас встреча с моим юристом — нужно подписать окончательный вариант договора. Потом Дмитрий, мой водитель, отвезёт вас в общежитие за вещами. Вечером я жду вас на Пречистенке. Ключи получите у домоправительницы, Елены Павловны.

— У вас есть домоправительница?

— У нас, — поправил он. — Домоправительница, садовник и повар. Штат небольшой, но вы познакомитесь.

Алиса кивнула, переваривая информацию. Домоправительница. Садовник. Повар. Ещё вчера она жила в общежитии и жарила яичницу на общей кухне.

— А вы куда?

— У меня встреча.

— В день свадьбы?

Он посмотрел на неё долгим взглядом, и Алисе показалось, что за серой радужкой мелькнуло что-то похожее на... нет, не сожаление. Усталость.

— Это не свадьба, Алиса. Это вторник.

Он сел в другую машину — чёрный «БМВ», который ждал его у тротуара — и уехал. А она осталась стоять на крыльце с кольцом на пальце и ощущением, что только что подписалась на что-то гораздо большее, чем фиктивный брак.

Общежитие МАрхИ, Водный стадион

Два часа спустя

— Ты выходишь замуж?!

Ленка, соседка по комнате, стояла в дверях с открытым ртом, и за её спиной уже собиралась толпа. Общежитие МАрхИ — место, где новости разносятся быстрее, чем пожарная тревога.

— Я уже вышла, — тихо сказала Алиса, укладывая книги в коробку.

— ЗА КОГО?!

— За архитектора. Воронцова. Глеба Викторовича.

Ленка схватилась за сердце. Толпа за её спиной ахнула.

— ВОРОНЦОВА?! «Наследие»?! Того самого?!

— Того самого.

— Алиса, ты... как?! Ты его вообще знаешь?!

— Мы познакомились на благотворительном аукционе пять дней назад, — честно сказала Алиса. — Это было... стремительно.

Ленка опустилась на кровать.

— Ты беременна?

— Нет!

— Тогда почему?

Алиса заклеила скотчем очередную коробку и выпрямилась. В дверях стояло уже человек десять, и все смотрели на неё как на инопланетянку.

— Потому что, — сказала она, подбирая слова, — иногда жизнь подкидывает странные варианты. И надо просто... попробовать.

— Попробовать брак? — Ленка недоверчиво покачала головой. — Это не борщ, Алиса. Это не «попробовать».

— Я знаю.

Она знала. Она всё знала. И всё равно складывала вещи в коробки — свитера, книги, тюбики с акварелью, засушенные цветы между страницами учебников. Она покидала общежитие не как Золушка, уезжающая во дворец. Она покидала его как человек, который взял на себя обязательство.

Перед собой. Перед Глебом. Перед той студией, которая пока существовала только в её воображении.

— Держи связь, — сказала она Ленке на прощание. — И не рассказывай никому... ну, слишком многого.

— А что тут рассказывать? — Ленка обняла её. — Ты вышла замуж за самого завидного холостяка Москвы через пять дней после знакомства. Это не новость. Это сюжет для сериала.
Пречистенка, 19
Вечер того же дня

Особняк Воронцовых встретил Алису тишиной и запахом ужина.

Елена Павловна — домоправительница — оказалась сухонькой женщиной лет шестидесяти с идеальной причёской и глазами, которые видели всё. Она вручила Алисе связку ключей, показала её комнату («Сиреневую спальню, второе крыло, окнами в сад») и сообщила, что ужин подают в восемь, если господин Воронцов дома, и в любое время — если нет.

— Он часто не дома? — спросила Алиса.

— Почти всегда.

«Сиреневой» спальня называлась из-за обоев — нежно-лиловых, с серебристым узором. Огромная кровать под балдахином, туалетный столик, камин, книжный шкаф. Алиса бросила коробки на пол и упала на кровать, раскинув руки.

Балдахин колыхнулся.

Она лежала и смотрела в потолок, расписанный облаками. Настоящая фреска. Восемнадцатый век, не меньше.

— Я замужем, — сказала она потолку. — Я замужем за человеком, который не пришёл на собственную свадьбу.

Потолок не ответил.

Телефон пиликнул. Яна:

«Ну чё, как первая брачная ночь?»

Алиса фыркнула:

«Лежу в сиреновой спальне. Одна. Муж на работе».

«В день свадьбы????»

«Он сказал, это просто вторник».

«Мда. Ну, зато сиреневая спальня. Это плюс».

Алиса улыбнулась, отложила телефон и закрыла глаза. Где-то внизу тихо хлопнула дверь, слышались шаги. Она замерла.

Шаги приближались. Остановились у её двери.

Молчание. Долгое. Она ждала стука, но его не было. Потом шаги удалились — в противоположное крыло.

Алиса выдохнула.

И поймала себя на мысли, что ждала стука.

Той же ночью

Кабинет Глеба, восточное крыло

Глеб сидел за столом и смотрел на монитор. Запись с камеры наблюдения показывала арку напротив особняка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.